

Если разобраться, их встречу с Лу Куаньдуном нельзя было назвать воссоединением в полном смысле слова. В десятом классе они учились в одном кабинете, а после выпуска ни разу не виделись лично, хотя нить общения всё же не обрывалась окончательно.

Успешно завершив стажировку, Юй Тяо со временем окончательно запутался в собственных ориентирах. Блестящее образование, достойный оклад и служебное жилье от компании сулили спокойную, сытую жизнь — оставалось лишь отработать в мегаполисе несколько лет. Однако спустя пару лет, едва он вознамерился подать заявление об уходе и отправиться в кругосветное путешествие, судьба нанесла сокрушительный удар. Ему срочно потребовалась неподъемная сумма.

Как оказалось, беда не выбирает возраст. В пять лет ты со слезами не можешь сложить бумажного журавлика; в семнадцать — проваливаешь пробный экзамен, недотягивая до проходного балла в желанный университет; а в двадцать с небольшим беспомощно смотришь, как угасает близкий человек, пока на банковском счете катастрофически не хватает денег даже на первый взнос... Связями Юй Тяо так и не оброс. Еще в школьные годы из-за молчаливости и замкнутости он держался особняком, так что его отчаянный призыв о помощи в соцсетях попросту проигнорировали.

Отпахав смену в офисе, он отправлялся на ночную подработку в бар. Нужда заставила закрыть глаза на требования к соискателям: Юй Тяо неразборчиво сравнивал условия, выбирая исключительно тех, кто платил больше остальных.

Впервые переступив порог бара «Филинг», Юй Тяо получил от хозяйки заведения короткое указание: взять простой, легко запоминающийся псевдоним. В то же мгновение перед глазами вспыхнуло воспоминание: ослепительная синева безоблачного неба и едкий, раскаленный солнцем запах беговой дорожки на школьном стадионе.

Солнечный свет пробивался сквозь устремленные ввысь кроны вязов, рассыпая по земле мозаику из ажурных теней. Порыв ветра заставлял листву тихо шелестеть, и прохожим ученикам казалось, будто они шагают по россыпи дробленого золота.

Чуть отдаль, на баскетбольной площадке, собралась компания самых популярных альф школы. Один из них уверенно перехватил мяч, сделал стремительный рывок и взмыл в воздух, описав плавно-выверенную дугу — казалось, еще мгновение, и он коснется небесной лазури. Глухой гул — мяч точно прорезал сетку.

Мяч со стуком ударился о покрытие, а щит всё еще едва заметно вибрировал. Альфа сбегал дать пятюню товарищам по команде, и в этот краткий миг Юй Тяо случайно выхватил взглядом крупную цифру на его майке.

— Пусть будет Тридцатый, — произнес тогда Юй Тяо, обращаясь к хозяйке.

Этот вечер ничем не отличался от прочих. Завершив основную работу, он помчался в бар, даже не успев поужинать — дел навалилось невпроворот. В глазах на миг потемнело. Последнее время организм работал на пределе: после неудачной операции, перенесенной еще в старших классах, здоровье Юй Тяо окончательно пошатнулось, и любое недосыпание тут же отзывалось приступами головокружения.

— Тридцатый, для тебя есть отдельное поручение, — окликнула его хозяйка заведения, поманив рукой.

— Какое? — Немного переведя дух, Юй Тяо надел фирменную повязку персонала.

— Весь третий этаж снял один богатый гость. Затребовал себе в обслуживание исключительно бету. Омега-то у нас пруд пруди, а из бет только ты личиком вышел. Так что давай, поднимайся скорее.

Юй Тяо нахмурился. Обычно он избегал лишних вопросов, но тут требовалась предельная ясность:

— Под «обслуживанием»... что именно подразумевается?

— Ты в школе анатомию прогуливал, что ли? — фыркнула хозяйка.

Юй Тяо промолчал.

— В объявлении было четко указано: уборка и порядок. Подобные услуги не по моей части, так что я пасс.

Он здраво оценивал риски. Подобную подработку можно найти где угодно, так что рисковать сомнительными связями нет никакого смысла — в крайнем случае просто уволится.

Женщина одарила его изумленным взглядом, искренне недоумевая, как можно отказываться от такого куша, а затем спохватилась, сообразив, что не посвятила парня в местные расклады:

— Да брось ты! Не задаром же трудиться будешь — за одну ночь отвалят вот столько.

Она показала пальцами сумму и добавила:

— К тому же надо просто помочь альфе сгладить период восприимчивости. Ты же бета, чего тебе опасаться-то? Полноценно метить он тебя всё равно не сможет. На этого красавчика наши

омеги слюни пускают, изошлись все от зависти.

Деньги и впрямь умеют убеждать. Юй Тяо сокрушенно признался себе, что выдержка дала сбой: обещанный куш превышал его годовую премию.

— Понял. Какая комната?

Прямота юноши пришлась хозяйке по душе — без дешевой ломаной жеманности, которой грешили многие омеги: те на словах упрямылись, а сами ждали, пока их станут долго уламывать.

— Умница, Тридцатый. На третьем этаже сразу направо, первая дверь.

Заглушив подступившую неловкость от такого обращения, Юй Тяо молча повернулся и направился к лестнице.

Убранство этажа поражало показным роскошеством. Бордовые стены украшали бесценные полотна, приобретенные на закрытых аукционах. Хрустальные люстры под потолком напоминали массивные королевские венцы, каскады граненого стекла слепили глаза вычурным блеском. Изнеженную тишину коридора скрадывал густой черный ковер — ноги утопали в нем, словно в мягком облаке, погружая в тягучую, дурманящую атмосферу заведения.

Дверь с тихим щелчком отворилась. На бархатном диване восседал альфа. На нем был сшитый на заказ черный фрак с небрежно распушенным галстуком. Мужчину явно сжигал сильный жар: лихорадочный румянец заливал щеки, а на ключицах краснели свежие царапины — следы от собственных ногтей, оставленные в попытке заглушить непрекращающуюся муку.

Альфа прикрыл лоб тонкой, костистой ладонью, под бледной кожей которой проступали натянутые вены. Усыпанные бриллиантами часы валялись прямо на журнальном столике. На запястье другой руки угадывались бледные следы от укусов; между указательным и средним пальцами тлела сигарета, к которой он, впрочем, почти не прикасался — серый пепел осыпался прямо на обивку.

Обстановка располагала к полнейшему разгрому, однако незнакомец держался безупречно. Его взгляд оставался невозмутимым, на лбу не залегло ни единой морщинки — если бы не красноречивые следы на коже, можно было подумать, будто период восприимчивости ничуть его не беспокоит.

— Кто? — ровным, бездушным тоном спросил альфа.

Лишь теперь Юй Тяо обратил внимание на его лицо: губы и челюсть сковывал жесткий намордник-блокиратор.

«Омега к себе не подпускает, да еще и намордник нацепил... На что он вообще надеется, сбрасывая такие деньги?» — недоумевал про себя юноша.

Воздух в пространстве комнаты был насквозь пропитан тяжелой, удушливой волной альфа-феромонов. Окажись на месте Юй Тяо любой омега, он бы и шагу не успел сделать, рухнув без чувств.

— Хозяйка направила меня... обслужить вас, — проговорил Юй Тяо.

Фраза застряла в горле. Мужчина вскинул голову, и его взгляд — сжигающий, властный, пропитанный спесью и диким безумием, сквозь которые едва пробивалась глубокая усталость, — приковал юношу к месту.

Память Юй Тяо мгновенно подкинула другой образ — призрачный, словно давний сон, встающий за плечом сидящего человека. Те же раскосые, хищные глаза с чуть приподнятыми уголками и розоватой каймой нижних век, подобной лепесткам цветущего персика; тот же дерзкий, обольстительный взгляд. Но тогда в этой статной фигуре дышала необузданная юношеская пылкость.

— Лу Куаньдун? — невольно сорвалось с его губ.

Они не виделись долгие годы. От прежней юношеской беспечности не осталось и следа — ее вытеснила жесткая, закаленная в суровых жизненных трепках хватка зрелого мужчины.

Заметив Юй Тяо, Лу Куаньдун закинул ногу на ногу и словно бы расслабился, откинувшись на мягкую спинку дивана. Он аккуратно опустил сигарету в стеклянную пепельницу, после чего впился вошедшему в лицо пристальным взглядом. Ровно на одну минуту — не больше и не меньше, секунда в секунду.

Юй Тяо замер, точно под гипнозом, молча выдерживая эту немую дуэль.

Ни вопросов о том, как он здесь оказался, ни дежурного «сколько лет, сколько зим». Голос Лу Куаньдуна прозвучал глухо и низко, точно рокот ослабленной струны:

— Помнишь, значит.

Такого человека трудно изгладить из памяти — в школьные годы он был кумиром всей параллели.

— Помню, — ответил Юй Тяо.

— Подойди. — Лу Куаньдун даже пальцем не шевельнул; с первой же секунды их встречи в нем

сквозила повадка человека, привыкшего повелевать.

Юй Тяо сделал несколько шагов вперед. Альфа едва заметно повел подбородком, приказывая садиться. Юноша послушно накренился, но стоило ему задеть обивку дивана, как Лу Куаньдун стремительно подставил свою ладонь. Не успев сообразить, что происходит, Юй Тяо опустил руку прямо ему на руку.

— Прости, я не специально! — Юй Тяо подскочил на месте, точно напуганный заяц.

Лицо Лу Куаньдуна оставалось непроницаемой маской. Опустив взор, он неторопливо смахнул с диванной подушки осыпавшийся пепел и принялся ждать, пока гость усядется снова. Испачканную ладонь он небрежно положил себе на колено.

Юй Тяо, привыкший улавливать малейшие движения чужого настроения, вытащил из пачки на столе влажную салфетку и присел перед ним на корточки:

— Давай вытру.

Альфа чуть приподнял кончик пальца, давая молчаливое согласие. Юй Тяо мягко обхватил его за запястье — кожа оказалась обжигающе горячей, точно раскаленная жаровня. У Лу Куаньдуна были изящные, холеные кисти рук человека, не знавшего тяжелого труда; сухие, четко прорисованные суставы ощущались под пальцами, как грани гладкой кости. Юй Тяо аккуратно стирал следы сажи, как вдруг рука его замерла. На безымянном пальце правой руки темнела небольшая родинка.

Ресницы Юй Тяо дрогнули. Он застыл, не отрывая глаз от этой точки в течение нескольких долгих секунд.

— Вытер? Вставай, — раздался сверху холодный голос.

Стряхнув оцепенение и загнав нахлынувший шок глубоко внутрь, юноша поспешно поднялся на ноги. В то же мгновение перед глазами снова поплыли темные круги, и он неуверенно качнулся.

Сильная рука властно подхватила его под локоть, не дав упасть.

— Садись ко мне на колени, — скомандовал Лу Куаньдун.

Юй Тяо порывался возразить, что с ним все в порядке и он постоит, но альфа опередил его:

— Хозяйка прислала тебя работать, верно? Начинай. Мне паршиво.

И впрямь, с чего бы такому черствому человеку печься о бывшем однокласснике? Поняв всю глупость своих надежд, Юй Тяо лишь молча кивнул и позволил увлечь себя на чужие бедра.

Лу Куаньдун наклонился ближе; твердый край намордника ощутимо ткнулся Юй Тяо в щеку. В такой близости отчетливо ловилось каждое его ровное дыхание и то, как ритмично бьется жилка на шее.

— Сними с меня эту дрянь.

— Намордник?

— Угу, — сжав зубы, проронил альфа. — Мешает.

«Зачем тогда нацепил?..» — проглотив крутившийся на языке вопрос, Юй Тяо чуть развернулся. Оказавшись нос к носу с альфой, он разглядел каждую густую ресничку на его веках и, подняв руки, завел их за чужую затылочную часть.

Конструкция застежки оказалась замысловатой — юноша тщетно пытался нащупать фиксатор, недовольно сдвинув брови.

— Нажимай сюда, — крепкая ладонь накрыла его пальцы и с нажимом направила их к скрытому замку блокиратора. — Код: четыре единицы.

— Понял, — отозвался Юй Тяо.

Ремни ослабли, и металлическая конструкция соскользнула вниз, повиснув на лопатках Юй Тяо. Он собирался завести руки за поясницу, но в следующий миг резкая, дикая боль пронзила разум, выжигая любые мысли.

Клыки Лу Куаньдуна въелись прямо в железу на затылке. В кровь хлынул мощный поток феромонов. Несмотря на застывший воздух в комнате, Юй Тяо показалось, будто жгучий порыв ветра донес до самого его уха опаляющий вдох альфы.

«Какого же уровня у него феромоны?.. Откуда эта невыносимая мука?» Будучи обычным бетой, он не должен был так остро реагировать на альфа-воздействие. Но сейчас загрибок точно истыкали тысячи раскаленных игл — даже если бы с него живьем срезали кожу, боль едва ли сравнилась бы с этим адом. Юй Тяо быстро терял силы.

Спустя десять минут зрение окончательно затянуло мутной пеленой. На лбу выступили крупные капли испарины. Уловив, что бета вот-вот лишится чувств, Лу Куаньдун сменил хват: перехватил его поперек груди, бережно уложив к себе на локтевой сгиб, словно ребенка, и пригляделся. В глазах юноши дрожали блестящие слезы.

Юй Тяо показалось, что на этом всё кончено — во взгляде альфы скользнуло отчетливое брезгливое отвращение. Но в какой-то момент настроение мужчины вновь совершило крутой поворот. Он рывком приподнял бету, прижал его затылком к своему плечу и ледяным тоном приказал:

— Продолжаем.

— Больно... — всхлипнул Юй Тяо, изо всех сил сжимая зубы.

Он понимал, что вопли лишь взбесят альфу, а потому глушил стоны. Боль разрывала железу — казалось, мясо скручивают в тугие узлы и выжигают бенгальскими огнями, — и единственный выход эта мука находила в безудержно льющих слезах.

Грудная клетка юноши рвано вздымалась. Сознание удерживалось лишь на одной-единственной мысли: хоть бы обещания хозяйки насчет денег оказались правдой.

— Не. Смей. Плакать, — чеканя каждое слово, произнес Лу Куаньдун. — Терпеть не могу сырость. Слезами ты от меня жалости не добьешься.

Слезы текли сами собой... Разве он мог ими управлять? Всклипывая, Юй Тяо моргал слипшимися от влаги ресницами:

— Лу Куаньдун... У меня... у меня была операция на железе. Не надо... не кусай так глубоко...

— Я плачу деньги, остальное не мои заботы, — отрезанным тоном заставил его замолчать альфа.

—... Хорошо, — прошептал Юй Тяо.

Взялся за работу — изволь терпеть. Права качать он не мог. Лишь бы не умереть прямо здесь. А ещё лучше, если бы Лу Куаньдун был еще жесточе и дал ему отключиться от боли — это было бы куда милосерднее, чем продолжать выносить эту бесконечную пытку.

<http://bllate.org/book/20424/2106255>